позднейшей; между тем позднейшая часть „Сказания о чудесах“ составлена после 1115 г.».[21] Следовательно, А. А. Шахматов считал «Сказание» целостным произведением, неразрывно связанным со «Сказанием о чудесах», что определяло дату произведения в целом и лишало возможности выделять его «древнейшую» часть и относить ее ко времени Ярослава. Добавим, что самый факт наличия в ряде списков этой «древнейшей» части в отдельном виде не может служить доказательством ее первоначально отдельного существования. Большое монументальное произведение, каким является «Сказание» в его сложном целом, могло переписываться по частям, в зависимости от потребности заказчика, чему способствовала стройная архитектоническая расчлененность «Сказания». Существенно также, что в древнейшем его списке XII в. в сборнике московского Успенского собора оно представлено целиком.

А. А. Шахматов убедительно указал на искусственность гипотезы С. А. Бугославского и в отношении трех этапов в истории «Сказания о чудесах», допуская в лучшем случае два этапа, но отнюдь не принимая и это допущение как обязательное и доказанное.[22]

Сами текстологические сопоставления, положенные С. А. Бугославским в основу доказательства зависимости «Чтения» от «Сказания», могут быть использованы и для утверждения обратного. Если, по Бугославскому, Нестор безжалостно выхолащивал из «Сказания» все живое и конкретное, то те же примеры можно рассматривать как обогащение жизненными подробностями и фактическими данными мертвого материала более раннего «Чтения» автором позднейшего «Сказания». Этот вывод еще до исследования С. А. Бугославского, когда «Сказание» считалось не «анонимным», делал Д. И. Абрамович, справедливо писавший: «Принято думать, что Несторово „Чтение“ составлено под сильным влиянием „Сказания“ о святых Борисе и Глебе, приписываемого Иакову мниху; но с таким же точно правом можно доказывать и противное».[23] На этой точке зрения Д. И. Абрамович стоял и в 1916 г., после появления работы С. А. Бугославского.

Как мы говорили, С. А. Бугославский не отвел возражений А. А. Шахматова и не опроверг взглядов Д. И. Абрамовича и Н. Серебрянского.

После этих замечаний мы можем обратиться к изложению некоторых наблюдений над текстом «Сказания». Мы приводим наши наблюдения и выводы в том порядке, в каком мы продвигались от вопроса к вопросу, от частного к общему.

2

Важнейшее значение для изучения литературной истории «Сказания» имеет рассказ о чуде с сухорукой женой.

Рассказ об этом чуде в «Чтении» лишен конкретных деталей, хотя Нестор и удостоверяет, что он писал со слов самой героини чуда. Некая жена, до того не знакомая автору, из не названного по имени «ыного града», якобы рассказала ему, как она работала в праздник Николы в своей «храмине» и не пошла в церковь, несмотря на укоры других женщин. Внезапно на ее двор въехали (видимо, на конях) три мужа — старый (Никола) и

[21] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. LXXIV; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике..., стр. X, прим. 36; Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 91. Н. К. Никольский считал, что отнесение «Сказания» в целом ко времени после 1115 г. аргументировать трудно и находил его «более чем сомнительным» (Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI в. СПб., 1906, стр. 255 и 257).

[22] А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. LXIX—LXXVIII.

[23] Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике..., стр. X.